
СЕРГЕЙ КНЯЗЕВ
ПОЛТАВСКАЯ БИТВА
1709
ТОМ 2

Сергей Князев

Полтавская битва 1709 - Том 2

«Автор»
2026

Князев С.

Полтавская битва 1709 - Том 2 / С. Князев — «Автор», 2026

Я погиб, вытаскивая своего бойца из-под огня, и очнулся под Полтавой. 1709 год. Теперь я капрал Андрей Рябов, которого собственные солдаты считают трусом. Впереди шведская пехота, в руках непривычная фузея, за плечами опыт современной войны. Я заставлю этот опыт работать: удержу строй, сберегу людей и поведу их вперёд. От недостроенного редута до решающей атаки вместе с царём Петром Первым. Нам предстоит разгромить шведов и вырвать победу, которая изменит судьбу России.

© Князев С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 31
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Сергей Князев
Полтавская битва 1709 - Том 2

Глава 1

Никита опустил граненый ствол на палец ниже и замер с намертво вжатым в плечо прикладом; я отчетливо услышал, как он судорожно, сквозь стиснутые зубы, перевел дыхание.

А сверху, с высокой дубовой балки, уже со свистом падала веревка.

Федька Малой не стал вслепую бросаться на вооруженного великана и не полез за ружьем, которого у него отродясь не было. Он ловко сдернул с плеча мокрую водовозную веревку — ту самую толстую конопляную снасть, которую я велел ему захватить из лагеря, — и с четырех шагов хлестко метнул тяжелую петлю прямо с балки вниз.

Петля пошла вкось, хлестнула по мокрому сукну и легла не на шею и не на грудь, а намертво захлестнула правый локоть шведа. Федька единым махом уперся ногами и со всей мальчишеской силой дернул веревку на себя.

Швед покачнулся, и его плечи тяжело развернуло к воде.

Это был кряжистый, заматерелый солдат, привыкший к рукопашным схваткам: он устоял на скользком песчаном откосе, яростно рванул локтем и тут же принялся перехватывать скользкую веревку свободной левой рукой, подтягивая пацана к обрыву. Ноги Федьки на ослизлом бревне предательски поехали вперед.

И тогда мальчишка сотворил то, что я потом не раз с уважением припоминал в полковых походах.

Он не стал мериться силой со взрослым детиной и не попытался удержать снасть на весу.

Федька молниеносно захлестнул свободный конец веревки в два тугих шлага вокруг вертикальной дубовой стойки настила и сел верхом на балку, намертво заклинив узел собственным весом. В ту же секунду швед дернул веревку изо всех жил — но потянул уже не хлипкого подростка, а вековую мельничную сваю. Захлестнутый локоть врага с хрустом вывернуло за спину, и рослый солдат с глухим стоном рухнул коленом в мокрый песок.

— Кузьма, вяжи его! — крикнул я, скатываясь по откосу.

Кузьма Шумов уже подоспел на помощь: мы навалились на шведа вдвоем, сбили его лицом в мокрый береговой песок и намертво прижали к земле. Враг больше не сопротивлялся — вывихнутая рука висела плетью, и он лишь тяжело, сдавленно хрипел в речную тину.

Я мгновенно обернулся к воде.

Митроху сбило страшным ударом слеги и тотчас уволокло бурным потоком под самый настил. Над черной стремниной, возле второй дубовой сваи, отчаянно белела одна лишь кисть — пальцы солдата судорогой свело вокруг скользкого бревна, а самого тела не было видно вовсе: его прижало бешеным течением и неумолимо затягивало под подводный коряжник.

— Держись, Митроха! — крикнул я во весь голос и шагнул в темную заводь.

Ледяная вода мгновенно обожгла грудь, перехватила дыхание, меня повело в сторону стремнины, но я удержался на ногах, отчаянно цепляясь за дно носками сапог.

На третьем шаге песчаное дно внезапно оборвалось в черную бездну.

Я едва успел выбросить вперед здоровую левую руку, намертво вцепился в ту же осклизлую сваю и подтянулся на локте, судорожно отплевываясь от речной мути. И в эту секунду до меня дошла простая и беспощадная истина: если я сейчас оторвусь от опоры и поплыву к Митрохе, нас обоих затянет под мостины. Мы вдвоем повиснем на скользком дереве посреди водоворота, и вытаскивать нас из этой гиблой ямы будет некому.

Удержаться за бревно здоровой рукой я еще мог. Но вытащить взрослого тонущего солдата против речного напора покалеченной, разодранной правой ладонью было выше человеческих сил.

— Назад, капрал! — яростно заорал Никита с песчаного берега. — Рябов, осаживай назад, говорю! Ты его в одиночку из омута не вызволишь!

Я с трудом выбрался на сухую кромку песка.

Вода ручьями хлестала из рукавов и карманов, в сапогах тяжело хлюпало, зубы выбивали мелкую дробь от ледяного озноба. Я стоял на коленях у кромки плеса, не сводя взгляда с белеющей в четырех саженях кисти, и лихорадочно выкрикивал команды вслух — так мысли работали быстрее и четче:

— Доску сюда! Федька, срывай длинную плаху — вторую от края, ту, что без гнили! Кузьма, живо на помост, помогай малому! Никита, стой на месте и паси дальний берег и протоку, на нас не оборачивайся!

Доску отдирали от прогонов втроем.

Она держалась на двух кованых железных костылях. Первый ржавый штырь вышел из дуба сравнительно легко, но второй засел намертво. Кузьма остервенело колотил по шляпке обухом топора; при каждом ударе весь ветхий настил вздрагивал до самого основания, а Федька лежал животом на соседней плахе, намертво держа оторванный комель, чтобы дубовая лесина не сорвалась в воду раньше времени.

На четвертом тяжелом ударе костыль со скрежетом поддался.

Плаха оказалась неподъемной, мокрой, посеревшей от вековых дождей. Когда ее осторожно столкнули с настила комлем вперед, речная струя подхватила тяжелое дерево, развернула его наискосок, и дальний конец доски проплыл всего в двух локтях от побелевших пальцев Митрохи.

— Ниже опускай! — сорванным голосом закричал я парням. — Заводи под руку, он не дотянется — у него одна рука держит!

Кузьма с Федькой навалились на комель, направляя ход бревна.

Митроха из последних сил перехватил плаху — не ослабевшими пальцами, а подмышкой, намертво прижав мокрое ребро к ребрам плечом и корпусом, — и лишь после этого разжал сведенную судорогой кисть на свае.

Поток мгновенно швырнул солдата вперед, но теперь он плыл вместе с массивной опорой. Доска встала поперек течения, с глухим стуком уперлась концом в нижний бык, задержав падение, и дальше мы дружно ухватились за обледенелый комель втроем. Перебирая скользкое дерево руками, надсадно хрипя и скользя коленями по мокрому щебню, мы заволокли плаху вместе с человеком на песчаную отмель.

Митроха лежал на животе, судорожно кашляя и захлебываясь рвотой с речной тиной. Когда приступ удушья наконец отпустил его, он с трудом приподнял чугунную голову:

— Он меня... важиной... аккурат по хребтине приложил...

— А ну, поднимись на ноги, — приказал я, нависая над ним.

— Сейчас, капрал... дух переведу...

— Митроха, встань живо и сделай пять строевых шагов! Мне надо видеть, как тебя ноги держат!

Солдат тяжело закряхтел, покачнулся, но все же поднялся во весь рост и сделал пять уверенных шагов по песку. Он шел прямо, не припадая на бок; позвоночник держал нагрузку, и это было самым важным облегчением за последние минуты.

— Спина как?

— Спина будто из дубовой плахи вытесана, ни черта не чувствую, — Митроха внезапно зло и хрипло ухмыльнулся, сплевывая речной песок. — Зато жердину свою швед об меня в щепки расколотил!

В этот момент пленный швед на песке истошно закричал.

Лежа под тяжелым коленом Кузьмы, он вывернул подбородок к реке и что было мочи заорал в ночную темноту через воду — длинно, гортанно, выкрикнув четыре или пять отрывистых чужих слов, а затем повторил их еще громче.

Ему ответили почти мгновенно.

Но отклик пришел вовсе не с верхнего рукава, куда ушла волна по камышам. Ответный голос донесся снизу по течению и чуть правее — ровно оттуда, где на размытом броде стояла повозка Кожина! Чужой стрелок отрывисто гаркнул одно короткое, глухое слово — и тут же замолк.

Пленный закричал снова, надрывая связки.

На этот раз над ночной рекой стояла лишь мертвая тишина.

Швед выкрикнул слово в третий раз — куда тише, с бессильной горечью в голосе, — но ответа не последовало. Осознав, что остался один, он уронил голову в мокрый песок и затих.

— Чего он орал, Никита? — обратился я к Белову.

— Пес его знает, Андрей, — отозвался старый стрелок. — Я по-шведски всего десяток слов разбираю — про хлеб, соль, порох да конский овес. Он два раза прокричал «сюда» — вот это слово я признал, они его на земляных редутах часто кличут. А больше ничего не разобрал.

— А тот, снизу, что ответил?

— Тот отрезал одно словечко, и сдается мне, это было вовсе не «бегу на выручку».

— С чего ты взял, коли языка не ведаешь?

— А с того, капрал, — рассудительно сплюнул Никита, — что человек, который спешит вызволять товарища из беды, орет на всем бегу, длинно и раскатисто, чтоб его издали слышно было. А этот буркнул сквозь зубы и язык прикусил. Так огрызаются, когда хотят, чтоб от них отстали.

Мы споро сорвали вторую плаху с настила. На нее ушло вдвое меньше сил и времени, поелику теперь мы точно знали, под каким углом сидят железные костыли.

Я перевернул пленного шведа на спину и опустился перед ним на корточки.

На вид ему было около тридцати лет. Вытянутое, обветренное лицо с высокими скулами; левая бровь была рассечена давним сабельным ударом и заросла белесым рубцом; светлые волосы слиплись от речной грязи. Темно-синий суконный мундир на груди был прожжен пороховой вспышкой, а вывихнутую правую руку он бережно прижимал к животу, боясь шевельнуться.

— Снимай ремень, Кузьма, — велел я.

Шумов ловко выдернул из-под пол кафтана широкий солдатский пояс из толстой яловой кожи с массивной медной бляхой. Я перехватил ремень и показал наглядно, как вязать:

— Вяжи не за запястья. Стягивай выше локтей за спиной, и непременно оставь слабину в два пальца толщиной — ровно так, как Пахом на привале учил.

— Выше локтей? — удивился Кузьма. — А кисти на свободе оставить? Он же ими вцепиться может!

— Он этими кистями за коряги держаться станет, покуда мы его вброд потащим, — осадил я солдата. — Мне мертвый швед в обозе даром не нужен: мне требуется живой язык, способный переставлять ноги.

Пленный не отрываясь смотрел мне прямо в лицо снизу вверх, не отводя цепкого, колючего взгляда.

Затем его потрескавшиеся губы шевельнулись, и он с трудом выдавил два слова.

— Воды просит, — подсказал подошедший Никита. — Вот это слово я помню крепко: «ваттен» — вода по-ихнему.

— После напьется, — отрезал я и поднялся на ноги. — Федька! Привяжи конец веревки к его локтям. Поведешь пленного впереди себя, на дистанции ровно в два шага. За спину себе его ни на вершок не пускай!

— Понял, дядя Андрей!

— И главное: ты его пленил, ты за него и головой отвечаешь. Но упаси тебя Бог заговорить с ним по дороге. Ни полслова, ни шутки не смей ронять! Пусть враг в неведении пребывает и не знает, сколько в тебе силенки.

Мы подхватили тяжелые трехсаженные дубовые плахи под мышки и поволокли их волоком по песчаной косе к застрявшей повозке — по двое на каждую доску. Дерево глубоко врезалось в песок, оставляя за собой две широкие, глубокие борозды.

И в этот миг снизу, от самого брода, раздался отчаянный женский крик.

Авдотья кричала надсадно, страшно, повторяя одно и то же слово без передышки. Она звала меня, от страха коверкая воинское звание на мужицкий лад:

— Рябый! Рябый, сюда! Помогите!

Мы побросали тяжелые плахи прямо на песок и что было мочи кинулись на крик.

С расстояния в двадцать шагов вся картина открылась передо мной до мельчайших подробностей.

Гнедая кобыла стояла на прежнем месте у разбитых оглобель, но длинный сыромятный повод был намертво обмотан вокруг запястья Авдотьи. Испуганное животное пятилось, увлекая женщину боком в глубокую промоину. А с противоположного борта повозки, прямо из темной воды, к постромкам крадучись пробирались двое шведов.

Они шли низко пригнувшись; один уже вплотную подобрался к колесу, сжимая в руке широкий тесак, и яростно тянулся лезвием к ремням сбруи, намереваясь перерезать упряжь и увести лошадь.

— Никита, цельсь! — выдохнул я на бегу.

Белов мгновенно рухнул на одно колено в песок и вскинул мушкет к плечу. Я замер над ним, глядя вдоль граненого ствола, и сердце мое упало: старый стрелок видел ровно то же самое, что и я.

Между нашей позицией и врагами стояла накренившаяся повозка.

Она высилась в промоине темной стеной, задрав правый борт кверху. Оба шведских мародера укрывались за ее корпусом: их головы маячили вровень с верхней дубовой обшивкой, а всего в двух шагах правее них, на той же линии огня, отчаянно билась Авдотья с лошадью.

— Не могу бить, — сквозь зубы процедил Никита; ствол его фузеи мелко дрожал. — Сквозь дубовые доски наугад не стреляю. Я не ведаю, где за бортом баба, а где чужак!

Я стоял над стрелком, вперив взгляд в остов повозки, и с яростной горечью сознавал: повозка кузнеца в эту секунду превратилась во вражеский редут.

Она надежно закрывала грабителей от нашего единственного заряженного ружья. И она же была той самой святыней, ради которой мы рисковали жизнями в этой ночной тине, — бросить ее или разнести в щепы было нельзя.

В этот миг мимо меня тяжело прошагал Степан Кожин.

В правой руке кузнец сжимал длинную полосу кованого железа — ту самую заготовку на обруч, которую сам достал из ящика. Он шагал прямо в воду тяжелой поступью обреченного человека, и лицо его было пугающе спокойным, неподвижным, словно выкованным из чугуна.

Я едва успел выбросить руку и ухватил его сзади за пояс кафтана:

— Стой, Степан!

— Пусти, капрал... — глухо, не оборачиваясь, выдавил кузнец.

— Ты до них десять шагов по омуту делать станешь! — заговорил я ему прямо в спину, удерживая изо всех сил. — Они тебя приметят на пяти шагах. Их двое, и у них в руках стальные клинки, а у тебя лишь полоса железа, и ты по пояс в вязкой жиже увязнешь!

— Там Авдотья моя...

— Там твоя жена, живая кобыла и целая телега! Дай мне ровно сто ударов сердца — и я выбью врагов из-за укрытия!

— Чем выбьешь?!

— Самой повозкой!

Степан замер и медленно повернул ко мне искаженное лицо.

— Федька! — крикнул я, не разжимая пальцев на поясе кузнеца. — Тащи шведа на самый гребень песчаной косы — туда, где светлеет река! Поставь его во весь рост и держи за веревку! Пусть его соратники увидят своего!

— Так его же подстрелить могут! — испугался мальчишка.

— Не станут они стрелять! Они на него рты разинут, и этих секунд мне хватит с лихвой!

Мальчик выволок связанного пленного на гребень. Швед сперва упирался, но затем сам проворно взобрался на отмель, поняв, что его выставляют на всеобщее обозрение. На светлом фоне реки его рослая фигура с вывернутыми локтями обрисовалась с пугающей четкостью.

И военная хитрость сработала мгновенно.

Тот из мародеров, что уже занес тесак над постромкой, вскинул голову и замер с поднятой рукой. Он остолбенело уставился вверх на косу, узнавая своего товарища, и это оцепенение продлилось добрых три секунды.

Ровно эти три секунды мне и требовались.

— Митроха, Кузьма — за мной в воду! — скомандовал я. — Заходим ниже повозки, к правому борту! Никита, оставайся на колене и держи прицел, что бы вокруг ни творилось!

— Что делать станем, Андрей? — на бегу спросил Кузьма.

— Опрокидывать телегу на левый бок!

Митроха, бежавший рядом, споткнулся в жиже:

— Капрал, побойся Бога! У нее же слева ступица расколота!

— Знаю, что расколота! Толкай!

Вода приняла нас по самую грудь; под сапогами раздался чавкающий ил, ноги предательски скользили по промоине.

Мы втроем навалились на сухой правый борт: Митроха и Кузьма подставили широкие плечи снизу, под обвязку, а я навалился на планширь всей грудью и налег сверху всем весом тела.

Расчет был жестоким и беспощадным: правое колесо телеги еще держало грунт, а левое треснуло вдоль волокон. Опрокидывая кузов влево, мы собственной силой окончательно доламывали поврежденную ступицу, но иного способа открыть Никите чистый сектор для спасительного выстрела не существовало в природе.

— Разом! — скомандовал я. — И-и... раз! Два! Взяли!

Мы дружно налегли на борт.

Повозка подалась куда легче, чем я ожидал: она уже сидела в жидкой тине с опасным креном. Кузов качнулся вправо, спружинил, качнулся сильнее влево, и на третьем мощном толчке левый борт со стоном рухнул вниз. Мутная речная волна с шумом перехлестнула через край внутрь кузова.

И в то же мгновение из-под воды раздался страшный звук.

Звук был короткий, глухой и сухой — словно в заколоченном ящике с треском переломили толстый дубовый сук.

Ступица окончательно рухнула.

Кузов повозки провалился влево и вниз почти на локоть; верхняя кромка левого борта скрылась под водой, а правый борт взмыл кверху под крутым углом. Теперь за опрокинутой телегой уже нельзя было укрыться даже сидя на корточках.

Оба шведских мародера оказались открыты перед нами по самую грудь!

— Есть цель! — глухо донеслось с берега от Никиты.

Но спасительного выстрела не последовало.

Я обернулся, стоя по грудь в ледяной воде и судорожно вцепившись в задранный планширь, и похолодел: Белов медленно вел граненый ствол правее, мимо опешивших грабителей, целясь в густые прибрежные заросли.

— Никита, стреляй в них! — заорал я.

— Погоди, капрал...

— Они сейчас бабу с кобылой порежут!

— У этих двоих в руках лишь тесаки, — ровным, ледяным голосом отозвался старый стрелок. — А в камышах за ними стоит третий — с заряженным мушкетом на изготовку! Кого мне прикажешь валить первым?!

Я вскинул глаза туда, куда смотрел ветеран.

Стена тростника у самого переката раздалась в стороны, и в образовавшемся просвете во весь рост стоял вражеский солдат. Он не прятался в жиже: он стоял на сухом бугре, и на его плече отчетливо темнела длинная прямая полоса длинноствольного ружья.

— Бей стрелка! — рявкнул я.

Грохнул выстрел.

Я стоял к Никите боком, по горло в воде, и страшный пороховой удар пришелся сперва не по ушам, а передался через речную толщу: гидродинамическая волна тяжело толкнула меня в ребра, следом накрыл оглушительный грохот, и в голове тонко, пронзительно зазвенело.

Клубы тяжелого белого дыма плотно легли на речную гладь, стелясь по воде серой пеленой.

Я жадно вглядывался в камыши сквозь пороховую гарь, но различить подробности было невозможно.

Вражеский стрелок исчез с пригорка. То ли он рухнул замертво от меткой пули, то ли упал на колени, то ли успел отпрянуть вглубь чащи — сказать наверняка было нельзя.

Двое мародеров у повозки мгновенно выпустили сыромятную постромку из рук.

Они не бросились бежать сломя голову. Один пригнулся к воде и скользнул боком вдоль береговой кромки к зарослям; второй, сжимавший тесак, на секунду метнулся обратно к затопленному кузову, выхватил из-под мокрой холстины тяжелый овчинный тулуп Авдотьи и бросился вдогонку за напарником.

У самой кромки камышей они на миг замешкались.

Оба солдата склонились над водой, дружно подняли из ила длинный темный предмет — и я ясно разглядел брошенный в жижу мушкет с длинным стволом. Подхватив оружие, они торопливо ушли вверх по мелководью правого рукава; плеск их сапог еще несколько секунд доносился из темноты, а затем все окончательно смолкло.

— Ушли трое, — подал голос Никита, опуская дымящееся ружье. — И унесли с собой одно ружье.

— Чье ружье уволокли?

— Того, что в камышах караулил. Свои палаши они из рук не выпускали, а мушкет с земли подобрали.

— Стало быть, стрелок выронил оружие?

— Выронил, — подтвердил Белов. — А вот ушел ли он на своих двоих или его волоком утащили — врать не стану, не разглядел сквозь дым. Видел лишь, как двое нагнулись и двое скрылись в протоке.

Я с трудом выбрался на сухой песчаный берег и тяжело опустился на землю: ноги в коленях внезапно сделались ватными и совершенно пустыми.

Авдотья так и сидела по пояс в воде возле вздрагивающей кобылы; сыромятный повод был все еще туго намотан вокруг ее руки, содрав кожу от запястья до самого локтя.

— Размотай ремень, хозяйка, — тихо сказал я ей.

— Не стану разматывать... Лошадушка уйдет...

— Не уйдет она никуда, ее больше никто не тянет. А коли кобыла с перепугу рванется — она тебя по острым камням волоком протащит.

Степан молча подошел к жене, бережно размотал окровавленный повод с ее онемевшей руки и перехватил узду в свои пудовые ладони.

Повозка лежала на левом боку, наполовину затопленная речной водой.

Я обошел кузов по мелководью и внимательно осмотрел искалеченное колесо.

Щель на ступице превратилась в зияющий пролом. Вяз раскололся на добрый палец шириной; сквозь рваную щель виднелась черная речная тина, две соседние спицы наполовину выскочили из своих гнезд, а железный обруч окончательно соскользнул с края втулки и беспомощно болтался на одном загнутом ерше.

Я сам сотворил это собственными руками. Знал, на какую беду обрекаю повозку, пошел на этот шаг сознательно — и теперь стоял над обломками, подводя итог ночного боя.

— Все... — раздался за спиной глухой, надтреснутый голос Степана. — Отъездилась наша телега. Приехали.

— Не все еще, кузнец.

— Да ты погляди на колесо, капрал!

— Я гляжу. — Я присел на корточки и потрогал железную полосу. Обруч свободно крутился под пальцами. — Старый обруч был слишком узок и тонок. Дерево раскололось оттого, что его нечем было стянуть в кольцо. Значит, требуется новый обруч — широкий, кованый, и насаживать его надобно намертво, на горячую осадку.

— У меня в сарае висел... — вспомнил вдруг Степан, поднимая голову. — На мельнице, на бревенчатой стене. Колесный обруч из доброй шинной полосы, я его сам туда на хранение вешал.

— Сгодится для дела?

— Да он на эту ступицу слишком велик будет!

— То, что велик — это благо, — твердо сказал я. — Отрежем лишек, скуем замок и осадим на углях. Куда хуже было бы, окажись он мал.

Пока мы обсуждали поломку, Митроха споро поднялся на гребень косы, к тому месту, где оставил оружие перед вылазкой на настил.

Он вернулся к повозке со своим мушкетом на плече, бережно неся на раскрытой ладони сухой тряпичный сверток, словно драгоценное птичье яйцо:

— Держи, Никита. Порох цел! Тряпица снаружи чуть сыростью взялась, а казенная бумага хрустит — я самолично ощупал.

Никита опустился на песок, зажал фузею между коленями и принялся споро снаряжать ствол.

Я присел напротив ветерана, пристально следя за каждым движением его пальцев. Старый солдат поднял на меня глаза:

— Считаешь заряды, капрал?

— Считаю.

— Считай вслух, — негромко бросил Никита. — Перед строем оно надежнее выходит.

— Было четыре ходовых патрона, — раздельно произнес я. — Один ты только что потратил на стрелка в камышах. Осталось три. Один заряд сейчас уходит к тебе в казенник — это митрохин сухой патрон. Стало быть, на руках остается: один готовый заряд в твоем стволе, один сухой сверток у меня в кармане и один у Кузьмы Шумова.

— Так точно, при мне патрон, — отозвался Кузьма, полез за пазуху, бережно показал сверток на ладони и снова спрятал под сукно кафтана.

— Итого ровно три заряда на весь отряд, — подвел черту Никита.

Он ловко скусил зубами бумажный хвост патрона; на его губах и щетине осталась жирная черная полоса пороховой мякоти. Отсыпал щепоть черных зерен на затравочную полку, со щелчком захлопнул огниво, а остальной порох со свинцовой пулей загнал в дуло. Железный шомпол вошел в канал ствола и привычно прибил пыж к казеннику одним коротким, выверенным движением локтя.

— Три патрона, — повторил Белов, поднимая на меня тяжелый взгляд. — И вот тебе мое верное солдатское слово, Андрей: этих трех зарядов нам до утренней зари ни за что не хватит.

Пленный швед все это время сидел на гребне косы под бдительным присмотром Федьки Малого. Оба они хранили угрюмое молчание, строго исполняя мой приказ.

Внезапно пленный зашевелился.

Он повернулся всем корпусом к заводи, вглядываясь в затопленную повозку Кожина, долго и пристально изучал разрушенное колесо, а затем с трудом приподнял связанные за локтями руки и выразительно повел подбородком.

Сперва он указал подбородком на расколотую ступицу.

Затем задрал голову к ночному небу и кивнул в сторону верховьев ручья — туда, где за крутым поворотом протоки лежала непроглядная, глухая чаща.

И четко, тяжело повторил одно и то же чужое слово:

— Бро... Бро...

Глава 2

Никита Белов медленно поднял голову от ружейного замка, вглядываясь в речную темень.

— Вот это словечко я признал, — негромко проскрипел старый стрелок. — «Бро» — по-ихнему мост будет.

Я посмотрел вверх по течению, в непроглядную ночную глушь за поворотом ручья, и постарался не прибавлять к этому чужому слову никаких досужих солдатских догадок.

Связанный швед указал подбородком на расколотую ступицу и дважды повторил: «мост». Он мог иметь в виду, что в верховьях есть надежная переправа, по которой повозка пройдет без труда. Мог предупреждать, что на том мосту засел их караул. А мог и вовсе бросить первое попавшееся на ум слово, лишь бы развязать нам языки и потянуть драгоценное ночное время.

— Никита, — тихо сказал я напарнику. — Запомни в точности, как он это выговорил и в какую сторону кивнул. Больше пока ни о чем не гадай. За дело!

Колесо со сломанной оси у размытого брода мы снимали куда дольше, чем добирались сюда от самого лагерного обоза.

Сперва под затопленный задок повозки подвели обе оторванные с мельничного настила трехсаженные плахи: одну уложили плашмя на речной ил, вторую поставили на ребро в качестве надежной важины. На эту дубовую важину налегли всем весом втроем — я, Митроха и Кузьма. Кузов с надсадным чмоканьем приподнялся из тины на добрую ладонь.

Под поднятый край оси Степан Кожин ловко подсунул толстый смолистый чурбак, притащенный с песчаной косы. Мы осторожно ослабили нажим — телега тяжело опустилась брюхом на подставку и замерла в устойчивом равновесии.

Затем кузнец принялся выбивать железную чеку.

Штырь засел в осклизлой проушине намертво: от сырости железо раздалось и намертво прикипело к втулке. Чека стронулась лишь на четвертом тяжелом ударе топорного обуха. Степан едва успел поймать выбитое железо раскрытой ладонью над самой водой и тотчас бережно спрятал за пазуху: запасной чеки в повозке не водилось.

Тяжелое колесо сошло с гладкого конца оси боком, соскользнуло и плашмя рухнуло в речной плес. Мы заволокли его на сухой берег вчетвером; на воздухе оно оказалось куда массивнее и неподъемнее, нежели казалось в воде.

Тащить искалеченное колесо на мельницу пришлось накатом.

Дорога вверх по крутому берегу насчитывала добрых триста шагов, и на каждом обороте колесо вело себя словно взбесившееся животное. При малейшем крене оно норовило завалиться на разбитую сторону ступицы, спицы протяжно скрипели, и нам приходилось непрерывно ловить его на весу. Один раз колесо все же вырвалось из рук и с глухим стуком легло на песок — Кузьма едва успел отскочить, чтобы не угодить под кованый обод.

Тележный сарай стоял позади мельничного амбара, притулившись боком к каменистому ручью. Это было длинное, приземистое бревенчатое строение без передней стены: под широким навесом на утоптанном глиняном полу темнели плотницкие козлы, валялись обтесанные березовые спицы, а в дальнем углу высилась беспорядочная груда гнутых дубовых ободьев.

Готового колеса в сарае не нашлось. Я придирчиво обшарил каждый угол, заглянул под все верстаки, поелику целое готовое колесо разом решило бы всю нашу ночную участь и спасло повозку без лишней возни.

Зато на стене висело ровно то, о чем говорил кузнец.

Широкий железный обруч покоился на массивном деревянном костыле. Он был кован на совесть, шириной в добрых два пальца, потемневший от времени и сажи, и в руках лежал с солидной, обнадеживающей тяжестью.

— Ободный обруч, — вздохнул Степан, ощупывая поковку. — На ступицу он велик будет пальца на полтора, не меньше.

— И превосходно, что велик.

— Чего ж тут доброго, капрал? Болтаться же станет!

— А то добро, что нагретое железо от жара расширяется, — пояснил я кузнецу. — А остывая в воде, стягивается обратно с чудовищной силой, намертво сжимая все, что охватило. Будь твой обруч впору — мы бы его на расколотую ступицу на холодную вовек не натянули, только спицы доломали бы. А раскаленный докрасна сядет свободно, и когда остынет — скует разрыв намертво.

Степан опешил, уставившись на меня исподлобья:

— Так ведь шины на колесный обод сажают... Я сам так ободья шинковал в слободе.

— Вот и сделай то же самое на ступице. В кузнечном деле ты куда сноровистее меня, а мне лишь надобно, чтобы колесо до рассвета встало на ход.

Кузнец молча снял обруч с гвоздя, взвесил на ладонях, и по его суровому лицу я ясно понял ту секунду, когда мужик отбросил пустые пререкания и целиком ушел в привычную крестьянскую работу.

Кузнечный очаг обустроили в самой мельнице — в нижнем каменном ярусе у дальней стены. Там приютилась полуразвалившаяся хлебная печурка с закопченным сводом; в ее глубоком зеве Степан нащупал толстый слой золы, в глубине которого еще теплились мелкие древесные угли.

— Огонь выдаст, — тотчас предостерег Никита Белов, едва кузнец принялся выгребать золу на шесток. — Отсюда зарево на полверсты по воде пойдет: тут и распахнутая дверь, и волоковое оконце на реку глядят.

— Тащи брезент с повозки!

Тяжелый смоленый брезент, укрывавший поклажу Авдотьи, лежал на косе с самого момента разгрузки. Он насквозь пропитался влагой и густо смердел дегтем. Мы вдвоем наглухо завесили им дверной проем в два плотных слоя, тщательно подоткнув нижний край сырыми плахами, а Митроха приволок из сарая драную конскую попону и намертво законопатил ею оконный проем.

Внутри низкого мельничного сруба мгновенно сделалось душно; едкий чад мокрой смолы и остывающей золы перехватывал дыхание.

Огонь разложили экономный, всего на трех сухих дубовых поленьях. Раздували жар не мехом, а старой войлочной шапкой Федьки. Степан аккуратно уложил железный обруч прямо на тлеющие угли, придерживая край длинными клещами, и замер в ожидании.

— Устин, — окликнул я Долгих у входа. — Ты внутрь избы не заходи.

— Да я ж подсобить могу, капрал...

— Твоя служба снаружи. Встанешь у угла сарая и станешь зорко пасти речной плес и подходы к мельнице. В избе все пятеро сейчас уставятся в пламя и за минуту потеряют ночное зрение. Ты один останешься с зорким глазом впотьмах.

Устин бесшумно скользнул за брезент. Я слышал, как он дважды мерно обошел мельничный сруб по периметру и один раз сдавленно кашлянул в кулак у плетня.

Внизу у повозки караул нес Кузьма Шумов — я сам сменил им Митроху, поелику тот после купания в ледяном омуте уже едва держался на ногах.

Митроху колотило непрерывным ознобом. Он мелко, жалко вздрагивал всем телом; когда я окликнул его, солдат попытался браво отозваться по уставу, но челюсти его не слушались и зубы выбивали бешеную дробь.

— Скидывай кафтан, парень, — глухо бросил Степан от очага.

— Чего?..

— Порты и рубаху сымай, говорю!

Кузнец вытащил из своего вещевого мешка чистую холщовую рубаху — сухую, пахнущую полынью, которую берег от самого сборного пункта, — и швырнул ее солдату на колени. Митроха остолбенело крутил суровое полотно в огрубевших пальцах:

— Это мне, дядя Степан?..

— Тебе, кому ж еще. Ты моего Ваньку из горящей избы на руках вынес.

— Так то ж Кузьма притолоку подымал...

— А ты раскаленное железо голой ладонью от дитяти отводил! — отрезал кузнец, не поворачивая головы от углей. — Мне люди сказывали. Надевай давай и не перечь старшим.

Пленный швед сидел на земляном полу у опорного дубового столба, к которому его намертво прикрутил Федька. Красноватые отсветы очага ложились на его осунувшееся, угрюмое лицо.

Я подошел ближе и опустился перед ним на корточки; Никита с заряженным ружьем присел рядом.

— Спроси его имя, — велел я Никите.

Старый стрелок с трудом ворочая языком выговорил два чужих слова. Швед медленно поднял тяжелые веки:

— Юхан.

— Юхан, стало быть, — кивнул я. — Ладно. Митроха, поднеси ему испить. Из чистой бадьи черпай, не из ручья.

Швед пил долго, запрокинув голову и жадно глотая холодную воду из деревянного ковша. Руки его оставались связаны за спиной, Митроха от неловкости плеснул лишнего, и струя воды стекла пленному за расстегнутый ворот мундира, но тот лишь шумно выдохнул, отерев подбородок о плечо.

Степан подошел вплотную, нависнув над нами тяжелой темной громадой:

— Спроси его, сколько их тут рыщет! — с яростным напором потребовал кузнец. — Спроси, кто по лошади стрелял и кто мою повозку на броде крушил! И где сейчас ихнее логово?!

— Уймись, Степан.

— Да как уймись-то?! Он сидит тут и мою воду лакает!

— Он на твои четыре вопроса выдаст ровно четыре сладких ответа, — жестко осадил я кузнеца. — И все четыре окажутся ложью, поелику парень связан по рукам и ногам и всеми силами цепляется за жизнь. Мне от него потребна лишь та правда, которую я смогу проверить собственными руками.

Я подобрал с земляного пола плоскую сосновую щепку и ладонью разровнял у стены толстый слой рассыпанной муки — старой, слежавшейся, но сухой и белой.

Провел по белому полю глубокую борозду и выразительно показал щепку Юхану.

Швед сообразил мгновенно.

Он с натугой приподнялся на локтях, нагнулся к полу и принялся чертить подбородком, указывая направления. Рисовать на муке пришлось Никите: пленный кивал головой, а старый солдат водил щепкой. На это ушло немало времени, но цена этих отметин была дороже золота.

Сперва Юхан очертил круг: мельничный двор.

Затем провел длинную черту вверх по течению ручья и перечеркнул ее поперечной полосой: мост.

А затем в промежутке между мостом и мельницей нанес три коротких, глубоких штриха.

Я вгляделся в эти засечки:

— Тридцать человек?

Никита растопырил ладони три раза перед лицом пленного, но Юхан замотал головой с такой силой, что едва не расшиб лоб о дубовый столб.

Он заговорил отрывисто, сбивчиво, захлебываясь незнакомой речью. Мы не поняли ни единого звука. Тогда швед замолк, огляделся по сторонам и выразительно кивнул на пол.

Федька Малой сообразил первым:

Мальчик подобрал с земли три мелких камешка и по знаку шведа разложил их на мучной полосе не рядом, а тремя отдельными кучками, на значительном отдалении друг от друга. Юхан облегченно кивнул на каждую щепку поочередно.

— Три дозора, — перевел Никита. — Не тридцать солдат, а три отдельные ватаги, бродящие порознь.

— Сколько голов в каждой ватаге?

Юхан скосил глаза на свои связанные локти, затем посмотрел на руки Федьки.

Мальчишка поднял раскрытые ладони — десять пальцев. Юхан утвердительно кивнул. Федька снова вскинул руку и разогнул два пальца — двенадцать. Швед на мгновение задумался и неопределенно покачал плечом: мол, то ли двенадцать, то ли четырнадцать.

— Дюжина или около того, — подвел итог Никита. — Он видел их всех разом у моста перед выходом в поиск, по головам не пересчитывал.

— Куда они двинулись дальше?

Никита показал пальцем на мост и вопросительно развел руками. Юхан повторил жест одними плечами, насколько позволял тугой ремень.

— Не ведает, — сплюнул Белов. — Либо запирается, шельма.

— Пусть лучше не знает, — отрезал я. — Так для нас безопаснее.

— Чем же это безопаснее, капрал?

— А тем, что укажи он сейчас точное направление — я бы поверил пленному на слово, повел повозку в обход и угодил бы прямиком в засаду, думая, что перехитрил врага.

В этот момент Юхан сделал движение, о котором его никто не просил.

Он выразительно поглядел на тлеющий очаг, где лежал обруч, затем перевел взгляд на фузею Никиты, кивнул на мучную насыпь и глухо обронил незнакомое слово.

Никита достал из кармана и бросил на муку три спелых зерна пшеницы, подобранных возле мельничного жернова.

Швед пристально поглядел на зерна и утвердительно мотнул подбородком.

Затем показал головой на себя, обвел подбородком круг, обозначая четверку своих соратников, и снова ткнул носом в сторону трех зерен.

— Три патрона... — медленно проговорил Никита, и в голосе его прорезалось изумление. — На всю ихнюю четверку было всего три боевых заряда.

— Переспроси его еще раз!

Никита ткнул пальцем в зерна, похлопал по своей патронной суме и растопырил четыре пальца.

Юхан кивнул в третий раз. А затем носком разбитого сапога, до которого сумел дотянуться, аккуратно оттолкнул одно зернышко в сторону, отделив его от двух остальных.

— Один заряд они потратили, — выдохнул я.

— Тот самый выстрел по лошади на броде, — подтвердил Белов.

Мы несколько секунд сидели в тяжелом молчании, слушая гудение огня в печурке.

— Стало быть, два, — подытожил Никита. — Выходит, у тех двоих, что в камыши ушли, осталось ровно два патрона.

— Это значит лишь то, что при выходе в дозор у них было три заряда, и один они сожгли у нас на глазах, — рассудил я трезво. — Он не ведает, сколько пуль у них припасено по карманам, и не знает, подобрали ли они патроны у моста. Но этот счет я принимаю к сведению. Никита, с этой минуты каждый вражеский выстрел ты считаешь вслух при всем строе!

— Первый был по кобыле у брода, — тотчас отозвался старый стрелок.

— Первый принят.

Железный обруч в очаге тем временем раскалился до темно-вишневого свечения.

Степан ловко ворочал полосу длинными кузнечными клещами. От раскаленного металла шел густой, сухой, ни с чем не сравнимый дух каленого железа.

— Поспело, — выдохнул кузнец. — Катите колесо к свету!

Колесо уложили на два дубовых чурбака расколотой ступицей кверху.

Дальнейшая работа требовала предельной сноровки и быстроты. И в этой спешке я мгновенно оказался совершенно бесполезным — это выяснилось на первой же минуте.

Мне поручили придерживать сухой дубовый клин, который Степан намеревался стесать по толщине и вогнать в трещину под садящийся обруч. Заготовка была короткая, в пол-ладони; удерживать ее требовалось строго стоймя, одними пальцами, пока по ней сверху скользило лезвие ножа.

Я ухватился за клин искалеченной правой рукой и повел лезвие.

На втором же нажиме скользкая деревяшка со стуком выскочила из онемевших пальцев.

Я подобрал ее, стиснул зубы и попытался удержать снова. Клин вылетел вторично: три обожженных пальца под мокрой сукровичной тряпицей не сходились в замок, ладонь была скользкой и совершенно бессильной.

— Брось, — сказал Степан, нависнув надо мной.

— Сейчас удержу...

— Отдай, говорю! Не мучай руку.

Он отобрал у меня заготовку, четырьмя точными, могучими движениями обтесал грани клина и отбросил его на чурбак.

Затем снял со своего широкого пояса тяжелый нож в кожаных ножнах, развернул его рукоятью вперед и твердо вложил мне в здоровую левую руку:

— На, держи левой. Он у меня бритва — враз режет. Левой рукой заготовку направляй, правой не касайся вовсе.

Тяжелая рукоять привычно легла в ладонь.

Клинок оказался старым, широким, сточенным от бесчисленных правок на оселке почти на треть ширины. Деревянный черенок посредине был туго обмотан медной проволокой. А чуть выше оплетки на темном комлевом дереве темнели две глубоко врезанные буквы.

Я поднес нож ближе к мерцающим углям очага.

Буквы были вырезаны твердой рукой и залоснились от пота: А. Р.

Я замер на корточках с этим ножом в левой руке.

Рядом Степан звонко сбивал клещами окалину с раскаленного железа. Никита в двух шагах проверял путы на ногах пленного шведа. Никто из них не смотрел в мою сторону.

Я мог промолчать, убрать клинок и ни о чем не расспрашивать.

— Степан, — тихо позвал я кузнеца. — Откуда у тебя этот нож?

Он не повернул головы:

— Твой нож, капрал.

— Я не о себе толкую, а о железе. Чья это работа? Кто его ковал и отчего на рукояти сыромятная петля срезана под корень?

Степан медленно опустил клещи на наковаленку, вытер закопченные ладони о холщовый передник и шагнул ко мне.

Остаток петли я приметил секундой раньше: в тыльнике рукояти было просверлено сквозное отверстие, и в нем торчал обрывок набухшего сыромятного темляка — косо срезанный с одной стороны старым, потемневшим от времени срезом.

— Нож моей ковки, — глухо произнес кузнец, глядя мне прямо в переносицу. — Семь лет тому назад я его отковал из доброй кричной полосы. И петлю сам ладил, чтоб на запястье висел, когда руки молотом заняты. — Он осторожно коснулся пальцем вырезанных знаков. — А вот эти две буквы не я резал. Ты их резал, Андрей.

— Когда?

— В тот день, когда мне его возвращал.

Степан говорил ровно, глухо, без тени упрека или злости, а я неотрывно глядел на две темные буквы, чувствуя, как холодная волна пробегает по спине.

— В позапрошлую зиму дело было, — заговорил кузнец, глядя в пол. — На этом самом броде, только полуверстой ниже по течению. Я тогда казенный лес на плотину вез по первопутку и опрокинулся на размыве. Сани подломились, меня комлями придавило прямо в ледяную воду. Сверху тяжесть, а поперек груди сыромятная постромка легла — намертво перехватила, дыхнуть не дает. Руки подо льдом зажаты были, не дотянуться.

Он помолчал, коснувшись срезанной петли ногтем:

— Я ту постромку этим самым ножом и кромсал.

— Сам?

— Сам. Нож на запястье на петле болтался. Я его зубами вытащил из ножен и снизу вверх одной рукой вслепую резал, под водой захлебываясь. Петлю темляка тогда же зубами и перехватил, чтоб клинок не выронить. Перерезал ремень — и выломился из-под бревен.

Степан поднял на меня тяжелый, немигающий взгляд:

— А ты на высоком берегу стоял, капрал. Ты с полуротой солдат на санях мимо шел. Встал на бровке и в воду не полез. Стоял на морозе и глядел сверху, как мужик под бревнами задыхается и ремни зубами рвет.

Я слушал его слова, и внутри меня стояла глухая, мертвая тишина.

Память молчала: во мне не шелохнулось ни единого образа той далекой ледяной зимы, ни единого лица. Ничего, кроме черной пустоты. Но в эту самую секунду старая царапина под моим большим пальцем отозвалась жжением, тяжесть клинка в ладони показалась пугающе знакомой, а под левыми ребрами внезапно заныло — тупо, глубоко, знакомой тянущей болью, которая не отпускала меня вторые сутки и отзывалась на каждый глубокий вздох, словно память о давнем переломе на январском льду.

— Что было дальше? — выдавил я через силу.

— А дальше ты спустился с кручи, сел рядом со мной на мерзлую глину и взял из моих рук этот нож, — глухо продолжал кузнец. — Достал шило и вырезал на комле свои метки: А и Р. И сказал мне в лицо: «Держи это железо при себе. А придет черная беда — покажи нож мне на глаза, и я приду на выручку». — Степан бережно сжал мои пальцы вокруг рукояти. — Вот и весь наш уговор.

— И это все, что между нами было?

— Это то, что случилось при мне.

— Стало быть, есть нечто и без тебя?

Степан отвел взгляд в сторону пылающего очага:

— Есть. И про то я тебе непременно поведаю, Андрей. Но не сию минуту. Я тебе твердо обещал: скажу всю правду, когда сладишь второе дело. Ваньку из огня ты вызволил — это первое. А второе дело — моя повозка, которая без колеса в речной жиже тонет.

— Значит, пошли ставить колесо.

Обруч на расколотую ступицу сажали втроем.

Степан подхватил темно-вишневую поковку длинными щипцами, выхватил из углей и поднес к колесу. Митроха и Федька намертво вцепились в деревянный обод с противоположных краев, удерживая конструкцию на чурбаках. Кузнец единым мощным движением осадил пышущее жаром кольцо на торец ступицы и тотчас принялся охаживать его тяжелой деревянной колотушкой крест-накрест — раз, два, три! — загоняя поковку до упорного буртика.

Сухой вяз яростно зашипел, окутался клубами едкого белого дыма; по избе поплыл густой запах паленого дерева — мирный, домашний, напоминающий подгоревшую в печи кашу.

— Воду лей! — гаркнул Степан.

Авдотья принялась споро плескать из деревянного ковша по кругу — тонкой, непрерывной струей, остужая металл по всей окружности.

Железо издало сухой, оглушительный треск.

Остывая от ледяной воды, кованый обруч сжался с нечеловеческой мощью; прямо на наших глазах зияющая щель на ступице сошлась в тончайшую, едва различимую волосяную нить.

— Клинья подавай!

Два дубовых просмоленных клина Степан вогнал в разбитые гнезда спиц сверху и снизу. Он осадил их обухом до чистого колокольного звона, после чего тщательно проверил плоскость колеса широкой ладонью — не повело ли спицы винтом.

— Поедет? — спросил я, разглядывая работу.

— Поехать-то поедет, — вытер пот со лба кузнец. — Только далеко ли уйдет — не спрашивай. Дерево здесь мертвое, расколотое. Любой боковой удар о камень или пень сработает как топор палача.

— Значит, поведем повозку там, где нет боковых косогоров.

Груз распределяли в сарае на глазах у Авдотьи.

Тяжелый дубовый ларь с казенным железом Степан отволок в самый глухой угол навеса сам: пристроил к бревенчатой стене, завалил сверху сухой щепой и постоял над ним несколько секунд, прощаясь с металлом.

— Завтра вернусь за ним, — глухо обронил кузнец.

— Бог даст — вернешься.

Оба мешка со спасенным холстом вернулись в передок повозки; следом уложили муку с крупой. Тяжелый чугунный котел Авдотья самолично ополоснула в ручье и бережно установила под передок. Овчинный тулуп, унесенный шведским мародером, сгинул без следа; хозяйка лишь сокрушенно вздохнула, помянула супостата крепким словом и больше не проронила о пропаже ни звука.

Мы выкатили отремонтированное колесо к речному плесу, когда восточный край неба оставался еще совершенно черным и глухим.

— Отсюда две дороги ведут, — негромко сказал Степан, шагая со мной плечом к плечу. — Первая — верхом, через старый мост. Она версты на полторы короче выйдет, и грунт там каменистый, твердый: по нему колесо дойдет в целости.

— А вторая?

Глава 3

— Второй низом, старым рукавом, — Степан навалился всем могучим плечом на обод, с силой осаживая горячее колесо на смазанную ось. — Путь длинный, весь в крупном голыше, и повозку там станет валить с боку на бок.

Я уперся плечом в дубовую грядку кузова, не давая повозке соскользнуть со смолистого чурбака, и поглядел вверх по течению — туда, куда Юхан настойчиво тыкал подбородком и где чертил щепкой по муке Никита. Короткий и гладкий путь вел прямиком через мост, на котором караулили чужие стрелки.

— Идем старым рукавом, — твердо решил я и налег на спицы.

Насадить колесо обратно оказалось куда спорее, нежели снять: ось уже прочно покоилась на чурбаке, и мы завели стянутую горячим обручем ступицу с единого присеста. Степан вынул из-за пазухи сохраненную чеку, вбил ее в проушину обухом топора и ловко загнул расплющенный конец.

Из илистой промоины повозку вызволяли без спешки и суеты.

Мы подкладывали обе снятые дубовые плахи под колеса, протягивали телегу на всю длину доски, останавливались, перекладывали дерево вперед и тянули снова. На четвертом заходе заднее колесо мягко выкатилось на плотный, сухой прибрежный песок. Гнедая кобыла почувствовала твердь и потянула постромки сама; Авдотья шла у ее мокрой морды, бережно придерживая повод.

Впереди темнела высокая насыпь.

Старая мельничная плотина перегораживала боковой рукав ручья, и по ее высокому гребню вилась наезженная дорога. С нашей низины на этот гребень требовалось подняться во что бы то ни стало, поелику по низу идти было гибельно: береговая топь и зыбучий песок для свежестянутой, лопнувшей ступицы были стократ страшнее любого камня.

Подъем был крутой, шагов в двенадцать длиной, густо заросший плотным дерном, а поперек подъема узловатыми петлями торчали два вековых древесных корня.

— В лоб лошадь кузов не втащит, — угрюмо оценил Степан, потирая поясницу.

— В лоб и не пойдем, — согласился я. — Станем брать кручу змейкой, наискосок. Доски уложим косо, одну над другой, чтобы отремонтированное колесо все время катилось по гладкому дубу.

Про боковой косогор я в ту минуту не подумал.

Вернее сказать, я его видел собственными глазами. Я стоял под насыпью и отчетливо различал, что земляной вал не просто поднимается вверх, но еще и круто заваливается влево, к глубокой воде. Видеть-то я видел, однако не рассудил по-плотницки, как поведет себя сухой

береговой дерн под тяжестью груженой повозки, и смолчал. А через минуту круча сама заставила нас расплатиться за эту оплошность.

Первую плаху уложили по склону косо, комлем к вершине.

Кобыла взяла с места дружно, без рывка. Авдотья вела ее за сыромятный повод коротко, у самого вспененного храпа, и передавать упряжь мужикам отказалась наотрез:

— Не суйся, Белов! Она чужих мужиков не признает и испугаться может. Она меня с жеребенка помнит. Отойди!

Пятеро навалились на повозку: Степан и Митроха толкали сзади за грядки, мы с Кузьмой уперлись руками в спицы переднего колеса, а Устин Долгих подпирал задок могучим плечом.

Федька Малой остался чуть поодаль у самой воды, держа натянутый конец веревки, которой был стреножен пленный швед.

Мы одолели первые пять шагов.

На шестом шаге правое переднее колесо наехало на середину дубовой плахи — и доска под чудовищной тяжестью внезапно поехала в сторону.

Она скользнула не назад по колее, а вбок, влево — в ту самую сторону, куда кренился весь береговой откос. Гладкая плаха сорвала сухой дерн, перевернулась на ребро, и колесо с хрустом рухнуло в образовавшуюся брешь. Повозка сперва тяжело клюнула носом, а затем со стоном и скрипом покатилась назад, увлекая людей под уклон всей полуторапудовой массой.

— Держи-и! — истошно завопил Митроха, впиваясь лаптями в глину.

Кобыла присела на скакательные суставы, храпя от ужаса.

Оглобли взмыли кверху. Степан, стоявший сзади, метнулся вдоль левого борта вперед, пытаясь перехватить соскочившее колесо, и угодил прямиком в узкий зазор меж откатывающимся кузовом и толстой березовой оглоблей.

Оглобля с размаху ударила кузнеца в спину и со страшной силой припечатала к кованому борту.

Я отчетливо услышал этот звук и помню его до сих пор: глухой, тяжелый, утробный стук, словно полновесная палица опустилась на туго набитый куль с рожью.

Степан не вскрикнул. Он лишь судорожно переломился в пояснице и тихо осел на колени. Повозка протащилась над ним еще на полшага и намертво встала: отремонтированное заднее колесо с треском наткнулось на узловатый сосновый корень и намертво заклинило в развилке.

— Стой! — гаркнул я во всю глотку. — Всем замереть! Не толкать и не дергать!

Мы застыли как вкопанные.

Телега опасно накренилась, покачиваясь на корне; снизу доносился натужный треск сухого вяза, находящего себе новую опору.

В эту критическую секунду Федька Малой совершил две вещи кряду, причем куда быстрее, чем я успел бы отдать приказ.

Сперва он крутнулся на пятках, сунул веревку пленного прямо в широкую ладонь опешившего Устина — ткнул узлом и выдохнул: «Держи крепче, он на тебе!» — а сам гибким ужом скользнул в грязь под левую оглоблю, туда, где без движения лежал кузнец.

— Федька, назад, задавит! — крикнул я.

— Погоди, капрал!

Мальчишка выкарабкался из-под нависшего кузова через полминуты — пятясь задом и обеими руками волоча Степана за ворот холщовой рубахи. Оглушенный кузнец едва перебирал ногами, помогая пацану вызволить себя из западни.

Едва вытащив Степана на траву, мальчишка снова ринулся под зависшую телегу, и я не успел ухватить его за полу кафтана.

На этот раз Федька прихватил с собой смотанную конопляную веревку.

Он скрутил толстую снасть в четыре плотных витка, образовав тугой цилиндрический валик, перехватил серёдку узлом и намертво забил этот упор под соскользнувший край плахи с нижней, наклонной стороны склона.

— Теперь не сорвется! — звонко крикнул паренек, упираясь плечом в сырую колею. — В валик упрется и встанет!

— Вылезай живо! — я нагнулся, сгреб мальчишку за воротник и одним махом выволок на сухое место.

Мы с Кузьмой налегли на кованый лом, приподняли переднюю ось и вернули дубовую плаху в колею: конопляный валик надежно лег под нижний срез, и доска легла ровно по ходу колес.

— Кто ж тебя такой сноровке учил, малец? — глухо прохрипел Степан, сидя на траве и с мукой поглаживая отбитую поясницу.

— Никто не учил, — шмыгнул носом Федька. — Я снизу глядел и приметил, куда ее перекосило.

Никита Белов в это время уже бесшумно растворился на вершине земляного вала.

Он поднялся на гребень плотины без команды, взял влево и залег в густой осоке у старых ивняков. Я не сразу приметил его фигуру в полумраке — нашел старого стрелка лишь по тому, что на фоне светлеющей речной глади исчезла одна привычная тень и приземисто легла другая.

Сверху раздался тихий, еле слышный посвист — так сквозь зубы подзывают верного пса на охоте.

Я оставил повозку и ползком поднялся к нему.

— Гляди не на мост, — шепнул Никита, едва я ткнулся плечом в его локоть. — Мост пустой кажется. Ты на воду смотри.

Старая свайная переправа стояла выше по ручью, шагах в четырехстах от насыпи. Это был узкий бревенчатый настил на дубовых сваях, в одну повозку шириной, с ветхими перилами по правому краю.

Самих бревен и перил в предутренней мгле различить было невозможно. Зато речная вода под ними слабо фосфоресцировала, отражая холодное небо.

И по этой светлой полосе воды медленно двигались две темные, четкие тени.

Они неслышно шли вдоль мостового настила друг за другом, на самой середине остановились, и одна тень сделалась вдвое шире — словно дозорный развернулся всем корпусом в нашу сторону.

— Двое, — процедил сквозь зубы Никита. — Самих чертей за настилом не видать, но они небо в воде застилают.

— Достанешь из фузеи?

— И не подумаю, — ровно ответил старый солдат, не шелохнув стволом. — До них добрых четыреста шагов и темень вокруг. Я только заряд в реку выброшу да воду напугаю. У меня их три штуки осталось на весь отряд, и каждый заряд мне нужен там, где я вражью грудь на мушку поймаю.

Мы неподвижно лежали в мокрой траве, глядя на светлеющую гладь. Две тени на мосту шевельнулись, двинулись к противоположному берегу и растворились в прибрежном олешнике.

— Они нашу повозку засекли, — негромко подытожил Белов.

— С чего взял?

— А с того, что до самой середины дошли и встали как вкопанные. До середины шли споро, высматривая плес. А замерли — значит, поймали глазом движение на плотине.

— Что именно они могли разобрать?

Никита чуть помедлил, прикидывая в уме:

— Силуэт телеги на гребне разглядели. Лошадиную морду. Людей впотьмах посчитать не смогли, далече. Но то, что мы на плотину премся, знают наверняка.

— А куда мы с плотины свернем — поняли?

— Вот этого с моста не увидать, — усмехнулся Никита. — Гребень насыпи им открыт, а все, что за гребнем лежит, глушит каменная мельничная стена.

Я бесшумно скатился по откосу обратно к телеге и собрал бойцов у переднего колеса.

Пленный швед сидел на сыром дерне у ног Долгих. Едва я подошел, Юхан подался вперед всем телом и принялся горячо, взволнованно нашептывать чужие слова.

Он говорил настойчиво, без устали мотая подбородком в сторону верховьев ручья, к далекому мосту. В его быстрой речи вновь и вновь мелькало знакомое слово «бро», а следом за ним звучало другое, гортанное и тревожное, которого никто из нас не понимал.

— Опять про мост талдычит, — подошел Никита.

— Что именно он втолковывает?

— А пес его разберет, — сплюнул старый стрелок. — Может, предупреждает: «там наши сидят, не суйтесь». А может, молит: «везите меня туда, там спасение». Слово одно и то же, а мысли у пленного свои, темные.

Юхан умолк, выпрямился и уставился на меня в упор. По тому, как шумно он раздувал ноздри и как нервно дергались его связанные за спиной плечи, я понял: швед злится. Человек отчаянно пытался донести до нас нечто жизненно важное, а мы оставались глухи к его речам.

— Скажи ему, что к мосту мы не пойдем, — приказал я Никите.

Белов выразительно указал рукой на переправу и отрицательно мотнул головой. Юхан тяжело вздохнул, бессильно откинулся затылком на обод колеса и смежил веки.

На вершину плотины повозку выволокли лишь с шестого захода.

Дубовые плахи перекладывали под колеса каждые три шага; следом Федька ползком перетаскивал спасительный канатный валик. На самом верху одна из досок все же не выдержала: сухо хрустнула под нажимом железного обода и раскололась вдоль на две неровные половины.

— Извелась доска, — покачал головой Митроха.

— Обе половины забирай с собой! — велел я. — Половина плахи под колесом служит не хуже целой, только шаг короче.

Едва перевалив через гребень, я остановил упряжку.

Мы укрыли повозку за полуразрушенной каменной стеной мельничного амбара — единственным уцелевшим куском старой кладки, возвышавшимся выше человеческого роста. Отсюда повозку с моста нельзя было разглядеть ни под каким углом.

— А теперь слушайте боевой приказ, — негромко сказал я, собрав людей в круг. — С моста нас засекли. Враг знает, что на плотине стоит повозка с лошадью. Но куда мы двинемся дальше — им неведомо.

— И слава богу, что не ведают, — вставил Кузьма.

— Не ведают, однако непременно придут разведать. И я хочу, чтобы они пошли искать нас совсем в другую сторону.

Для военной хитрости взяли пустой холщовый мешок из-под ржаной муки.

Федька с Кузьмой споро набили его тяжелым влажным дерном и речным песком — так, чтобы мешок обрел вес взрослого тела и глубоко бороздил землю. Привязали к горловине конец веревки и вдвоем протащили этот волок по наезженной верхней дороге вдоль гребня плотины шагов на полтораста вперед, прямиком к густым прибрежным кустам, где и скрыли в зарослях.

Я лично прошел по гребню и проверил обманку.

След получился отменный: широкая, продавленная борозда с взрыхленными краями, а сбоку отчетливо отпечатались следы солдатских сапог Кузьмы, подправлявшего волок на ходу.

В предрассветных сумерках эта полоса походила на след груженой повозки ровно настолько, чтобы обмануть торопливый вражеский дозор.

— А ну как рассветет и они след разглядят? — усомнился Кузьма, отирая перепачканные ладони.

— К рассвету мы уйдем далеко. Мне не нужно водить их за нос до полудня — довольно выиграть четверть часа форы.

Настоящий путь отряда лежал вниз, в старый боковой рукав.

Русло начиналось сразу за каменным выступом мельницы. Это была широкая, каменистая расселина, по дну которой лениво струился прозрачный ручей глубиной едва в полладони, а по обоим крутым берегам непролазной стеной высился древний ивняк.

Повозка покатилась по окатанным валунам, и пошла на диво тяжело. Каждый подводный голыш отдавался жестоким ударом в руки, в плечи и в натруженные спины. Отремонтированное заднее колесо стучало о камень совсем иначе, нежели целые колеса: звук выходил глухой, надсадный, с коротким деревянным звоном. Я шагал вплотную к ступице, ловил ухом этот настораживающий стук и ни о чем другом думать не мог.

Степан брел позади телеги, толкая кузов одним лишь правым плечом: левая рука и ключица после страшного удара оглоблей почти не слушались кузнеца.

— Присел бы в кузов, дядя Степан, — сочувственно шепнул Митроха.

— В кузове малая девчонка спит, — глухо отрезал раненый. — Повозке и без моей туши невмоготу.

Федька бесшумно двигался головным дозором шагах в пятнадцати впереди, держа наперевес обломок расколотой дубовой плахи, и чутко замирал через каждые десять шагов.

На четвертой сотне шагов мальчишка вдруг встал как вкопанный и предостерегающе поднял руку.

Я ускорил шаг и бесшумно подошел к нему.

Заросли ивняка здесь смыкались в сплошную непроходимую стену; каменистая тропа сужалась ровно в ширину одной телеги: по левую руку плескалась темная вода протоки, по правую вздымались корявые стволы.

Федька застыл перед разлапистым крайним кустом и пристально глядел на верхние ветви. Я проследил за его взглядом.

На высоте моего плеча у старой ивы был начисто срезан толстый боковой сук.

Срез был свежий, косой и ослепительно белый в полутьме; по обнаженной древесине еще сочилась прозрачная живица, а под ногами в траве валялась срезанная ветвь с не увядшими, сочными зелеными листьями.

Я замер под срезанным суком, прикидывая обстановку.

Дорога здесь была единственной и безальтернативной.

Слева — топкая глубина протоки, справа — три плотных ряда переплетенных ветел, а между ними зажата повозка. Развернуть ее в этой теснине было физически невозможно: для разворота требовалось выпрячь кобылу, провести ее по воде, перевязать постромки и вручную пятиться тяжелым кузовом назад по скользким валунам. На это ушло бы не менее получаса, и все это время повозка стояла бы поперек единственного выхода беззащитной мишенью.

Отступать назад тоже было поздно: сзади в четырехстах шагах высилась плотина, к которой от моста вела прямая дорога.

— Осади упряжку, — шепнул подошедший Никита. — Не гони ее дальше. Пусть за кустами замрет, тут ветви гуще.

— Встанет на камнях — намертво осядет в жижу, — глухо возразила Авдотья от лошадиного повода. — Сверху галька, а под ней бездонный ил. Днем я ее так и посадила.

Оба были кругом правы, и бремя выбора целиком ложилось на мои плечи. И решение требовалось принять сию же секунду, отталкиваясь от одного лишь белого среза на иве.

Я еще раз внимательно вгляделся в развилку.

Сук был аккуратно срублен ровно на уровне груди взрослого мушкетера. Стрелку, засевшему в засаде, требовалось лишь встать за кустом и опереть тяжелый граненый ствол на очищенную развилку. Отсюда открывался великолепный, чистый сектор обстрела вдоль узкой дороги шагов на сорок вперед. Ловушка была подготовлена профессионально и хладнокровно.

— Кузьма, — тихо скомандовал я. — Ступай назад по ручью, перейди на противоположную отмель и погляди оттуда против света, не колышется ли тень за этим ивняком. Иди по мелководью, шума не поднимай.

— Сделаю, капрал.

— Митроха, Долгих — топоры к бою. Вот эту толстую иву позади телеги подрубите со стороны воды вполдерева. Валить запрещаю! Подрубите ровно настолько, чтобы ствол можно было обрушить поперек тропы единым толчком плеча.

— Это на кой ляд? — удивился Митроха.

— А на тот, что если нам в затылок сунутся чужие стрелки, я намерен наглухо захлопнуть за ними дверь.

— А ежели нам самим пятиться придется?

— Ежели нам придется бежать назад — эта ива нас уже не спасет, — отрезал я.

На задний борт повозки мы приладили второй пустой мешок, туго набив его сухой прошлогодней листвой и охапкой соломы из-под сиденья Авдотьи. Привязали за углы к грядке внахлест: при движении мешок мерно покачивался на ухабах, смазывая очертания спины сидящего возницы.

— Пускай болтается, — буркнул я Авдотье, затягивая мертвый узел. — Коли ударят сзади навскидку — пусть свинец достанется соломенному чучелу.

Отряд тронулся в путь.

Юхан шагал по правую руку от кузова, у самых кустов, на два шага впереди конвоировавшего его Федьки. Я непрерывно держал шведа в поле зрения: тот всю дорогу беспокойно вертел головой, втягивая ноздрями предутренний воздух.

Отмахав сотню шагов по каменистому дну, пленный внезапно резко присел к самой земле.

Он опустился мгновенно, всем телом — так приседает бывалый пехотинец, приметивший внезапно нависшую над головой картечь. Конопляная веревка натянулась струной, дернув Федьку за локоть.

— Стой! — шепотом бросил я назад.

Юхан сидел на корточках, неотрывно глядя вперед и вправо. Там, у самой кромки воды, темнела колоссальная куча весеннего плавника: нанесенные половодьем узловатые коряги,

содранная кора, обломки сгнившего плетня — все это слежалось в сплошной завал в человеческий рост, и мы двигались прямо на эту преграду.

Я вгляделся в лицо пленного.

Швед сидел не шевелясь, уставившись в одну точку у основания плавника, и на его худой шее судорожно ходил желвак.

Он мог испугаться бесформенной черной коряги.

Мог распознать засаду своих и мысленно торжествовать.

А мог узнать соратников и ужаснуться — ведь соратники бросили его дважды за эту ночь, оставив умирать в наших руках.

Гадать было некогда.

— Никита, — шепнул я в темноту. — Гляди в завал справа. Не в кусты, а в плавник.

— Вижу, капрал.

— Митроха, Долгих — к подрубленной иве. Ждать моей команды!

Вражеский выстрел разорвал ночную тишину ровно через три удара сердца.

Мушкет ударил не спереди.

Огненная вспышка полыхнула сзади и справа, из самого основания плавника. Тяжелая свинцовая пуля с глухим треском впилась в набитый соломой мешок на заднем борту телеги. Тюк яростно мотнуло, из пробитой мешковины веером брызнули сухие листья, и над ручьем разнесся тяжелый, плотный запах сгоревшего зелья.

— Из завала бьет! — рявкнул Никита. — С нижнего края, левее коряги!

— Вперед! — закричал я во весь голос. — Гони, Авдотья! Ходу!

Я навалился на задний борт обеими руками, подоспевший из воды Кузьма подставил плечо рядом, кобыла рванула постромки, и отремонтированное колесо бешено застучало по валунам.

Никита Белов остался на месте.

Он не побежал вслед за повозкой. Старый ветеран опустился на правое колено прямо посреди речной стремнины, плавно вскинул тяжелую фузею к плечу и замер на долю секунды.

Его выстрел грохнул в тот самый угол коряжника, откуда только что полыхнула вражеская вспышка.

Плотное облако белого порохового дыма заволокло речной плес. В дыму послышался отчаянный треск ломаемых веток: вражеский стрелок сломя голову бросился прочь из завала к воде, забыв о всякой скрытности.

— Руби иву! — скомандовал я.

Митроха с Устином дружно навалились на подрубленный ствол от берега, нажимая плечами со стороны воды.

Старая ива застонала, на секунду зависла на остатках древесных волокон и с оглушительным плеском рухнула поперек тропы, намертво перегородив каменистое русло всей своей густой раскидистой кроной. Дорога позади нашей повозки перестала существовать.

Дальнейшая схватка развернулась в считанные мгновения.

Один из нападавших метнулся в воду сразу же после падения дерева и принялся уходить вниз по руслу; я лишь дважды уловил в полумраке его вымокшую куртку, после чего плеск затих вдали.

Второй остался отрезан за поваленным стволом.

Он укрылся за мощным комлем той самой ивы, что мы только что обрушили, опустился на колени и лихорадочно перезаряжал свой длинноствольный мушкет.

Мы отчетливо слышали звонкий стук железного шомпола о стенки ствола.

— Заряжает, пес! — бросил Никита, торопливо вгоняя свой шомпол в дуло. — Митроха, подай патрон!

— Нету у меня, последний тебе отдал!

— Держи мой! — крикнул Кузьма, выхватывая патрон из-за пазухи.

Федька Малой в эту секунду уже бесшумно рассекал речную гладь.

Мальчишка соскользнул в воду сразу же, как только рухнуло дерево, — без приказа и без ружья, сжимая в руке один лишь плотницкий топор. Он пробирался вдоль береговой кромки по колено в воде, пригнувшись под свисающими ветвями и заходя врагу во фланг.

Я окликнул его, но паренек даже не повел ухом.

Шведский стрелок заметил опасность лишь тогда, когда мальчишка вынырнул из предрассветного пара в четырех шагах сбоку.

Сквозь редеющую завесу порохового дыма я увидел, как враг вскинул голову на плеск воды, как ствол его мушкета судорожно дернулся в сторону подростка, однако выстрелить швед не успел: шомпол намертво заклинило в дуле, а Федька уже взмахнул топором, нацелив тяжелый обух прямо в висок противника.

Швед в ужасе отшатнулся спиной в корявые ветви, выронил бесполезное ружье в воду и вскинул перед лицом пустые дрожащие руки, зажимая в скрюченных пальцах тусклый кругляш неровной свинцовой пули.

— Федька, обух! — рявкнул я, вздымая брызги и хватая мальчишку за мокрое плечо. — Живой нужен!

Глава 4

Мальчишка медленно опустил топор и тяжело поднялся на ноги.

Мы выволокли сдавшегося стрелка из речной тины на сухую колею и первым делом придирчиво осмотрели его руки: пальцы шведа мелко дрожали, испачканные в мокрой пороховой мякоти. Никита Белов подхватил брошенное вражеское ружье и привычным солдатским жестом опустил в длинный граненый ствол железный шомпол.

— Пуля до казенника не дошла, — прикинул ветеран по вылету прута. — Порох на полке и в стволе есть, а свинца нету. Он пулю в кулаке держал, когда Федька на него из воды выскочил.

Круглая литая пуля действительно сиротливо темнела в прибрежной осоке в двух шагах от комля. Я нагнулся, поднял ее и взвесил на ладони — тяжелый тусклый свинец еще сохранял живое тепло чужих пальцев.

Первый беглец в темноту так и не вернулся.

Мы неподвижно простояли под защитой поваленной ивы добрых три минуты, напряженно вслушиваясь в речную сырость: ни плеска воды, ни треска сухого хвороста вниз по руслу больше не доносилось. Супостат бросил соратника на произвол судьбы и ушел налегке.

— Не след за ним гнаться, — негромко бросил я, перехватив вопросительный взгляд Кузьмы Шумова в сторону переката.

— Так он же один-одинешенек остался, капрал!

— Он один на этих камнях, он каждую излучину тут с закрытыми глазами знает, а мы за ним груженую повозку с бабой и ранеными на хребте потащим? Ни к чему. — Я обернулся к строю: — Никита, счет!

— Второй чужой выстрел сгорел, — звучно, перед всем строем отчеканил Белов. — Первый шведы пустили по лошади у брода, второй только что угодил в наш задний мешок с соломой. Из трех вражьих зерен два уже в деле.

— А наших зарядов сколько?

— Наших ушло ровно два: один я потратил на стрелка в камышах, второй всадил в кучу плавника. Осталось два готовых патрона на весь отряд: один у меня в стволе на боевом взводе, а второй у тебя в кармане припасен, поелику Кузьмин сверток я только что загнал под пыж.

Я полез за пазуху, вытащил последний нетронутый бумажный патрон и высоко поднял его над головой на раскрытой ладони, чтобы каждый боец воочию видел наш оставшийся запас:

— Два патрона. Один в стволе, один в руке. И больше до самого лагерного обоза у нас не будет ни единого зерна. Помните об этом на каждом шагу.

Нового пленного я категорически запретил вести в одной связке с Юханом.

Они встретились взглядами тотчас, едва мы заволокли второго солдата на сухую тропу. Что промелькнуло между ними за эту секунду — обида, стыд ли за бегство товарищей, — разобрать впотьмах было мудрено. Я заметил лишь, как Юхан угрюмо отвернулся к воде, а второй торопливо забормотал что-то гортанное, но первый не удостоил соратника даже кивком.

— Никита, дознайся его имени.

— Нильс, — глухо отозвался пленный сам, не дожидаясь неуклюжего перевода, и покорно протянул вперед связанные запястья.

— Добро, Нильс. Пойдешь по левую руку от кузова, у самой воды, под присмотром Митрохи. Юхан пойдет справа, вдоль береговых ив, под надзором Федьки. Повозка пойдет аккурат между ними. Разговаривать через повозку не сметь: грохот лопнувшей ступицы все одно любые речи заглушит.

— Так они через борта перекликаться зачнут, капрал, — засомневался Митроха.

— Пусть перекликаются, коли охота есть. Мне важно не языки им связать, а развести в стороны, чтобы они не шагали плечом к плечу и не сговаривались на побег.

Отряд вновь двинулся вперед по каменистому дну. Старое русло ручья здесь малопомалу расширялось, густые вековые ивы отступали от воды, уступая место пологому галечнику.

Швед Нильс шагал на диво смирно, однако на каждом шагу беспокойно косился через плечо на повозку. Поначалу я заподозрил, что он высматривает слабину в постромках лошади, но вскоре уразумел: взгляд пленного был неотрывно прикован к девятилетней Груне, испуганно сидевшей в передке кузова меж холщовых мешков.

Отмахав добрую полуверсту, Нильс вдруг замер как вкопанный и горячо заговорил.

Он обращался прямо к Митрохе, настойчиво кивая головой вперед по ходу русла. Речь его лилась сбивчиво, торопливо, и в конце каждой фразы он с нажимом повторял одно и то же чужое слово.

— О чем он талдычит? — подошел я ближе.

Никита внимательно вслушался в чужие звуки:

— Вот это слово мне ведомо, капрал. «Монга» — по-ихнему «много» значит.

— Много чего? Людей? Обозов?

Никита ткнул пальцем в темнеющую дорогу впереди, хлопнул себя по груди и широко растопырил обе пятерни. Нильс яростно закивал, вновь выкрикнув гортанное «монга».

— Никита, скажи мне начистоту: он точно про солдат толкует или просто пугает нас неведомой силой?

— Слово одно: «много», — развел руками старый солдат. — А уж людей там тьма или верст до лагеря — за то поручиться не могу.

Тогда я применил ту же солдатскую сметку, что выручила нас в мельничном сарае.

Я не стал допытываться у чужака пустых чисел на слух. Присел на корточки, ладонью смахнул речную пыль с широкого плоского валуна, вложил в связанные пальцы Нильса острую сосновую щепку и выразительно указал на камень: черти!

Швед понял без лишних слов.

Сперва он прочертил по камню прямую длинную полосу — большую дорогу. Затем поперек нее нанес вторую черту, покороче. А на самом углу пересечения старательно вывел кривой четырехугольник и перечеркнул его крест-накрест.

— Это что за клеть? — насупился Митроха.

Нильс поднял связанные руки к лицу и мелко зашевелил растопыренными пальцами над рисунком, изображая клубящийся кверху дым. А затем плавно отвел ладонь вниз и в сторону, давая понять: пламя давно отгуляло и пепелище остыло.

— Горелое жилье, — определил Белов. — Сгоревший дом у развилки.

— Хутор! — неожиданно подала голос Авдотья от лошадиного повода. — Тут как раз хутор спаленный стоит, у самого выезда на тракт, возле старого вяза. Его еще на прошлой неделе фуражиры спалили.

Я придирчиво вгляделся в перечеркнутый четырехугольник:

— Никита, спроси его не про число людей, а про время. Когда именно он их там приметил?

Белов указал рукой на ночное небо, провел широкую дугу от точки заката к тому месту, где мы стояли, и вопросительно замер над камнем.

Нильс задумался, осторожно перехватил руку солдата и решительно отвел ее назад — к самому закатному краю, еще до наступления вечерних сумерек.

— Засветло, — перевел Никита. — Еще при ясном солнце он их там видел.

— Вот эту весть я принимаю к расчету, — рассудил я. — Днем у пепелища стояли люди. Но сколько их там было и чьи это полки — пленный знать не может, поелику с самого заката сидел в плавнике у брода и караулил нашу повозку.

Каменистое русло старого рукава внезапно оборвалось у древнего водосброса.

В старину здесь удерживали уровень воды для мельничного колеса: поперек ложбины высилась массивная плотина из тесаных гранитных плит. Излишек воды с ровным гулом переливался через край в широкий каменный лоток и уходил под насыпь большака. Со временем плотину наполовину разобрали окрестные мужики, и от переезда уцелели лишь две массивные плиты, лежавшие вплотную друг к другу с узким зазором в ладонь. По этим двум скользким каменным полосам и жалась тропа.

Ширина плит была предельной: колеса повозки могли встать на гранит с запасом всего в два пальца по обе стороны, а дальше зияла пенная промоина.

За водосбросом теснина расступалась: кустарник сходил на нет, а в двухстах шагах прямо впереди пролегал широкий Полтавский шлях.

— Скорее бы проскочить, — нетерпеливо проворчал Степан, прижимая ушибленное плечо. — Отсюда по тракту до наших полковых редутов рукой подать — четверть версты напрямик через хутор!

— Вслепую на тракт я людей не поведу, — остудил я кузнеца.

— Так не в яме же нам куковать до рассвета!

— Здесь как раз самое надежное укрытие, — поддержал меня Никита, оглядывая гранитные уступы. — В ложбине нас ни сверху с большака не заметят, ни снизу со спины не достанут, а шум падающей струи любые шорохи глушит. Самое дело схорониться на четверть часа и разведать, кто хозяйничает на тракте.

Осмотр раненого колеса я провел до выхода на плиты, а не после.

Опустившись на колени в сырой песок, я ощупал ступицу обеими руками. Железный обруч, посаженный на горячую, сидел намертво: металл намертво впился в вяз и под пальцами не шевелился.

Зато дубовые клинья подвели.

Оба клина — и верхний, и нижний — вылезли из разбитых гнезд наружу на добрый полупалец. Когда я надавил на верхний брусок, тот мягко подался внутрь и тотчас спружинил обратно.

— Степан, гляди сюда!

Кузнец опустился рядом со мной, пощупал разбитое гнездо огрубевшим пальцем и помрачнел:

— Дерево умялось, капрал...

— Под клиньями?

— Под ними, проклятыми. Мы ведь забивали дуб в распаренную, сырую древесину. Пока по речным валунам полверсты прыгали, вяз осел и уплотнился. Обруч-то держит крепко, а вот клинья в разбитых пазах уже ходуном ходят.

— Добить их глубже обухом?

— Трону обухом — расколю ступицу до самой втулки, — покачал головой Степан. — Там живому волокну зацепиться не за что.

Щель под обручем за время пути заметно удлинилась: она выползла из-под кованого края наружу и протянулась вдоль ступицы к гнезду ближней спицы — черная, глубокая трещина длиной в добрую ладонь.

— Холст берите! — послышался глухой голос Авдотьи.

Женщина уже стояла над нами, сжимая в руках распоротый заплечный мешок.

— Это же полотно для полковых лазаретов, Авдотья, — напомнил я.

— Для лазаретов и берегла, — твердо отозвалась она. — Только ежели мы сейчас посреди ручья с лопнутым колесом останемся — этот холст на наши собственные саваны пойдет. Рви, Андрей, я тебе дозволяю! Только один край отрежь, весь тюк не переводи.

Она ловко надрезала кромку, ухватилась обеими руками и с сухим треском разорвала суровое домотканое полотно по нитке. В моих руках оказалась длинная, плотная лента — ослепительно белая, пахнущая сухой степной травой.

Мы вымочили холст прямо в струе водосброса; отяжелев от ледяной влаги, ткань сделалась прочной как сыромять.

Обвязку ступицы взял на себя Федька Малой.

Мальчишка начал от самого основания разбитого гнезда, туго пеленая ступицу внахлест и натягивая каждый виток до белизны в суставах. Он виртуозно пропускал мокрое полотно под самые спицы, стягивая трещину; на последних витках я намертво прижал свободный конец большим пальцем, не давая повязке ослабнуть.

— Держит? — спросил я паренька.

— Намертво тянет! Ткань мокрая — сохнуть начнет, еще пуще в дерево вопьется.

— А как высохнет до звона?

— А как высохнет до звона, — вставил Степан, — железо обода ее в два оборота перетрет и рассечет как бритвой. Ты, парень, не зевай: плещи на ступицу воду из ковша через каждые сто шагов, покуда до лагеря бредем.

На гранитные плиты водосброса повозку заводили с предельной осторожностью: четверо на колесах, двое у лошадиной упряжи.

— Кузьма, — распорядился я. — Твое место у левого заднего колеса. Встанешь на самом внешнем краю плиты и глаз не спускай с обода и гранитной кромки. Ни на что вокруг не отвлекайся!

— А ежели колесо в промоину поползет?

— Тогда подставишь под грядку плечо и станешь держать изо всех жил, пока мы не осадим кобылу. Руками не хватай — кости переломает. Держи только плечом!

— Понял, сдюжу.

— Митроха, ты страхуешь с правого бока, со стороны стремнины.

Никита Белов вмешался прежде, чем солдат успел шагнуть к воде:

— Не ставь Митроху на струю, капрал.

— Это отчего же?

— Оттого, что парень третий час до нитки проморожен, зубами дробь выбивает, а из гордости смолчит. Поставь его на сухой берег, а к воде отряди Устина Долгих — тот сухой и кряжистый.

Я глянул на Митроху. Солдат стоял в сухой рубахе Степана, поверх которой был накинут вымокший суконный кафтан; руки его были намертво засунуты под мышки, лицо посерело, а потрескавшиеся губы побелели от озноба. И при этом он упрямо держал строй.

— Меняйтесь местами! — скомандовал я. — Устин — к воде, Митроха — на берег.

— Да я ж могу подсобить, капрал... — хрипло выдавил Митроха.

— Можешь, пока стоишь. А через десять минут на скользком граните у тебя онемевшая нога сорвется, и ты сам того не почуешь, пока в лоток не рухнешь. Отставить пререкания!

Митроха виновато поглядел на свои разбитые сапоги, тяжело переступил с ноги на ногу, и по тому, как неуклюже он волочил ступню, стало ясно: ноги его действительно почти не слушались.

Узкий водосброс преодолевали в шесть точных, выверенных приемов.

Сперва накатывали на плиты переднюю ось, затем Авдотья мягким голосом осаживала всхрапывающую кобылу, а Кузьма с Устином вручную направляли задние колеса точно по каменной колее.

На четвертом заходе беда едва не повторилась: отремонтированное заднее колесо предательски соскользнуло с мокрого гранита наружу на добрый палец. Кузьма мгновенно подставил правое плечо под тяжелый брус, глухо взвыл от чудовищной тяжести, но удержал груз; Устин

с противоположной стороны с силой навалился на спицы, и вдвоем они с хрустом водворили колесо обратно на каменную полосу.

— Встало... — сквозь стиснутые зубы выдохнул Кузьма, вытирая пот со лба. — Встало, черт его дери!

С верхней плиты водосброса мне открылась широкая ночная панорама.

Полтавский большак лежал перед нами как на ладони: широкая светлая полоса накатанной дороги среди темных вспаханных полей, с двумя глубокими колеями и взбитой солдатскими сапогами пылью по обочинам.

Я долго и пристально вглядывался в предутреннюю мразь, но живых людей на дороге не приметил.

Зато наметанный глаз тотчас уловил иные следы.

Поперек тракта наискось темнели глубокие, свежие борозды. Это были не простые колеи, а тяжелые продавленные вмятины до самой сырой глины; и тянулись они не в два следа, а сплошным широким перехлестом. Здесь совсем недавно проследовал целый обоз из нескольких тяжелых подвод, груженных под завязку, и ушел он на запад.

А поверх этих колесных рытвин четко отпечатались пешие солдатские следы. Редкие, размашистые, они сворачивали с тракта в сторону — к черному обугленному пятну у поворота, где темнели останки спаленного хутора.

Я бесшумно соскользнул с плиты и подозвал Белова:

— Пойдешь в головной дозор, Никита. С тобой пойдет Малой. И слушай мой жесткий приказ: отойдете ровно на столько шагов, чтобы я отсюда мог окликнуть вас негромким голосом, а вы могли отозваться. Ни на шаг дальше!

— Это шагов полтораста выйдет, Андрей.

— Вот на полтораста и держись.

— А ежели самое главное гнездо супостата за двумя сотнями шагов откроется?

— Значит, мы о нем не узнаем, — отрезал я. — Зато сохраним отряд, повозку, бабу с дитем и обоих пленных. Никита, я не в твоей солдатской храбрости сомневаюсь. Я считаю людей: нас шестеро на все про все.

Старый стрелок понимающе усмехнулся в усы:

— Добро, капрал. Любо мне, что ты рубеж числом меришь, а не пустословием.

— Федька идет при тебе, но топор оставит здесь.

— Это зачем еще топор бросать? — вскинулся паренек.

— Затем, что с топором за поясом ты в темноте любому дозору покажешься вооруженным лазутчиком и схлопочешь пулю, не успев пикнуть. Ты идешь не рубиться, а глядеть в оба.

Они бесшумно растаяли в придорожном тумане.

Я остался под прикрытием водосброса с повозкой, всхрапывающей лошадью, женщиной, девочкой, двумя связанными пленными и четырьмя бойцами. И мне хватило десятка тяжелых вдохов, чтобы с леденящей ясностью осознать: как же много нас, если считать по головам и беззащитным спинам, и как ничтожно мало, если мерить наш отряд боевыми зарядами.

Швед Нильс все это время смирно сидел у колеса.

Покрутив головой, он принялся выразительно кивать подбородком в ту самую сторону, куда ушли наши разведчики, и взволнованно зашептал, вновь повторяя гортанное «монга» и указывая на большак, а затем на свою грудь.

— Проводником набивается, — сплюнул Митроха.

— Он хочет казаться полезным, — возразил я. — А это две большие разницы.

— Так может, он и впрямь верный путь знает?

— Может, и знает. Но если я сейчас пойду по его указке, то не потому, что сам разведал брод, а потому, что поверил врагу на слово. А швед старается не ради нас — он хлопочет лишь о том, чтобы его вели впереди почетным дозорным, а не волокли позади на веревке рядом с соратником, которого он бросил в завале.

Юхан сидел по другую сторону повозки и на Нильса даже не смотрел. Он неподвижно глядел в темную воду под водосбросом.

Никита с Федькой возвратились куда быстрее, чем я рассчитывал, причем вернулись скорым шагом, пригибаясь к земле, — и эта спешка мне не понравилась.

Белов перемахнул через гранитные плиты, перевел дыхание и первым делом молча протянул мне раскрытую ладонь.

На его загрубевшей коже покоилась свинцовая пуля.

Она была сильно расплющена с одного бока, измазана в черной древесной трухе и отчетливо пахла гарью.

— Из обугленного косяка выковырял, — негромко доложил ветеран. — Там от всей избы одна закопченная притолока уцелела. Пуля в нее глубоко вошла, а рядом еще два свежих следа в бревне сидят.

— Чей свинец?

— Наш свинец, капрал! И по весу, и по мягкости отливки — чисто тульское литье. Ихние мушкетные пули потяжелее будут и круглее, я их за эти сутки вдосталь нащупался. — Никита сжал кулак: — Там наши сидят, Андрей. Свои!

— Сколько голов?

— Четверых я сам в щели разглядел, а по голосам шестерых насчитал. Засели за кирпичной печью и за плетнем; печь как раз на дорогу глядит. Стоят на диво тихо, огня не палят, и я на них едва животом не напоролся — знатно позицию заняли.

— О чем толкуют?

— Речей лишних не ведут, — нахмурился Белов. — Однако один караульный другому такой наказ дал, что мы с Федькой оба до слова услыхали. И наказ этот тебя впрямую касается.

— Выкладывай.

— Сказано было так: «Ежели еще одна телега по большаку сунется — бей сперва по лошади, а уж опосля разбираться станем».

Обугленный хутор притулился на самом клину меж большой дорогой и нашим старым съездом в низину. От крепкого некогда подворья уцелело лишь четыре приметы: остов русской печи с высокой трубой, кусок почерневшей глухой стены, обгорелый дверной косяк, сиротливо торчавший посреди крапивы, да густой ивовый плетень, который пожар не тронул из-за весенней сырости.

Мы остановили повозку в шестидесяти шагах от пепелища, прямо на открытом месте.

Я намеренно выбрал этот ровный участок большака: здесь не было ни единого куста, местность просматривалась насквозь, и каждое наше движение было видно защитникам печи как на ладони.

— Лошадь распрягать не станем, — тихо предупредил я отряд. — Но повод отдай мне, Авдотья.

— Зачем это?

— Встань перед кобылой, прямо меж ее мордой и плетнем, и держи за храп. Ежели с перепугу ударят залпом — стрелять станут по первому темному силуэту. А тебя они разглядят раньше всех.

— Так ведь в меня и угодят!

— В тебя стрелять не посмеют, — твердо сказал я женщине. — Ты русская баба в платке, а там сидят русские солдаты. На этом сейчас вся наша жизнь держится.

Авдотья без лишних пререканий шагнула вперед и заслонила собой лошадиную грудь.

Затем я совершил то, что уже дважды проделывал за эту кровавую кампанию, и оба раза этот маневр спасал от верной гибели, хотя всякий раз отдавал солдатской горечью в душе.

Я снял с плеча казенную фузею, нагнулся и плашмя положил ее на дорожную пыль — дулом в сторону, прикладом к своим ногам, — после чего демонстративно выпрямился с пустыми раскрытыми ладонями.

— Оружие на землю! — скомандовал я отряду.

Митроха положил ствол первым. Кузьма опустил ружье следом. Устин Долгих положил фузею последним, бережно приладив ложе на пучок сухой травы, чтобы не засорить замок пылью.

— Никита, твой черед.

Старый стрелок стоял неподвижно, намертво сжимая в руках заряженное ружье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.